

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОФИЦЕРА

Э т ю д ъ .

(Продолженіе.)

24-го января. С.-Петербургъ.

Вотъ удача, такъ удача! Какая мнѣ вчера великолѣпная мысль пришла отправиться въ Михайловскій! Право, ничего лучшаго нельзя было и придумать. *Voici le fait.* Вошолъ я въ заль, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, когда занавѣсъ была уже поднята. На меня, разумѣется, многіе обратили вниманіе. Кресло я взялъ не въ первомъ ряду, потому что не люблю тратиться тамъ, гдѣ не нужно, а знакомыхъ (я это прежде выемотрѣлъ) въ театрѣ не было. Возлѣ меня, оказывается, сидитъ барынька, прехорошенькая. Первое дѣйствіе прошло безъ всякихъ приключеній. Въ антрактѣ я перекинулся двумя-тремя фразами съ моей сосѣдкой. Потомъ завязался разговоръ. Оказалось, что сосѣдка всего два дня въ Петербургѣ, и пріѣхала по дѣламъ изъ провинціи. Провинціальная барыня! это мнѣ какъ-то не понравилось, но, *vgainment*, она премиленькая; къ тому-же, любить пожить въ свое удовольствіе. Я ей очень понравился, такъ, что даже во время хода пьесы, она часто обращалась ко мнѣ. Разговаривали мы, конечно, на французскомъ. Она премило говоритъ; нисколько не конфузится, когда позволишь себѣ какую нибудь вольность въ разговорѣ; сама даже мнѣ сказала много такихъ вещей, которыя на русскомъ вышли-бы пошлы, но на французскомъ, да еще, когда произносятся такими хорошенькими губками, — восхитительны. Кончилось тѣмъ, что послѣ театра мы поѣхали ужинать, — и успѣхъ превзошелъ мои ожиданія. Могу сказать, вмѣстѣ съ какимъ-то великимъ человѣкомъ, кажется, Людовикомъ XIV-ымъ: *la journée n'est pas perdue!* Сегодня общался пріѣхать къ ней; она дала мнѣ адресъ своей квартиры.

28-го января.

Моя новая знакомка — прелесть, что за женщина! *C'est une femme très distinguée!* И какъ она меня любитъ! Она, по ви-

лимому, очень богата, т. е. не она собственно, а мужъ ея; ну да, это все равно: мужъ и жена составляютъ одно тѣло. Мужъ ея — старый взяточникъ, не сумѣлъ однако тамъ, въ какомъ-то дѣлѣ упрятать всѣ концы въ воду, такъ и послалъ жену въ Петербургъ хлопотать. Надѣлилъ ее при этомъ добрымъ кушемъ вспомогательныхъ. Зовутъ ее Sophie. Ахъ, какая душка эта Sophie! И какая добрая. Я только заикнулся разъ, что жизнь здѣсь очень дорога, особенно для молодого человѣка съ недюжинными потребностями, — она сейчасъ пошла въ другую комнату, и выносить мнѣ маленькую пачку сѣренькихъ, съ просьбой принять въ заемъ. Я было отказался. Такъ куда! — Вы, говоритъ, меня обижаюте, что не хотите принять такой бездѣлицы; Paul, прошу тебя, если не хочешь огорчить меня, возьми это! Я еще не много поломался; наконецъ она хотѣла рассердиться и я почти насильно долженъ былъ взять деньги. Что за душа! Quelle délicatesse!

Вечеромъ того-же дня.

Чортъ знаетъ, что это такое! Приѣзжаю къ ней, — и нѣтъ ея, и слѣдъ простылъ. Съѣхала съ квартиры, и не знаетъ никто куда, и знать не хотятъ. Одинъ только дворникъ былъ такъ любезенъ, что сообщилъ мнѣ свои глубокомысленныя предположенія, что, знать, молъ, на чугункѣ укатить изволили. Впрочемъ, что за бѣда! Пошалилъ — и довольно; не осталась, благо, въ накладѣ. А хотѣлось-бы мнѣ ее гдѣ нибудь встрѣтить. Она, право, премиленькая!

Теперь я свободенъ, завтра пойду къ Вѣрочкѣ; она ужъ, я думаю, вся измаялась, pauvre enfant!

3-го февраля.

У Вѣрочки былъ. Она теперь ужъ поговорчивѣй и обѣщалась поѣхать со мной кататься на будущей недѣлѣ; только, именемъ Бога, заклинала меня никому объ этомъ не говорить, — глушенькая! Мои пріятели давно ужъ мнѣ надѣли разспросами, скоро-ли одержу побѣду надъ Вѣрочкой. Съ Митей Кроминымъ у меня даже состоялось пари на довольно значительную сумму. Но я, какъ и должно быть, обѣщаль Вѣрочкѣ никому не говорить о нашемъ partie de plaisir; да иначе и нельзя въ свѣтѣ жить: образованный чело-

вѣкъ, часто бывающій въ обществѣ не все говоритъ: он ne dit pas tout ce qu'on pense, c'est une chose bien certaine.

На дняхъ былъ у Морошкиныхъ. Это славное семейство, простое такое, но доброе и очень гостепріимное. Хозяйка, — еще не старая женщина, веселая, любить общество; дочери молоденькія и недурныя собой. Вообще я провелъ вечеръ очень порядочно. Между прочимъ хозяйка, Варвара Гавриловна, предложила гостямъ вотъ что:

— Давайте играть въ риѣмы!

— Давайте, давайте! воскликнули всѣ.

— Вамъ принадлежитъ первая мысль, вамъ и право начать игру! сказалъ я. Откровенно говоря, я это сказалъ для того, чтобы мнѣ какъ нибудь не пришлось начать. Странная вещь! Вѣдь вотъ лежишь себѣ одинъ въ своемъ кабинетѣ на диванѣ, покуриваешь и сознаешь въ себѣ силы быть чѣмъ угодно: и великимъ поэтомъ, и администраторомъ, и полководцемъ, и Богъ знаетъ, чѣмъ еще! И риѣмы иногда въ голову лѣзутъ презабавныя; а какъ придется эдакъ въ обществѣ, при людяхъ, — ничего въ голову и не лѣзетъ. А дома иногда даже чего: цѣлыя стишки напишешь, и очень хорошенькіе. Напр., я недавно написалъ маленькую вещицу, подражаніе дермонтовской Русалкѣ:

ПѢВЕЦЪ.

Въ спокойно плывущей рѣкѣ голубой
Купался однажды пѣвецъ молодой.

И видитъ онъ дѣвъ неземныхъ въ глубинѣ,
Сидящихъ средь розъ и жасминовъ на днѣ.

«Плыви къ намъ скорѣй», говоритъ такъ одна,
«Прозрачная будетъ намъ ложе въ волнахъ», и т. д.

Очень хорошенькіе стихи, право. Можно бы, даже, и напечатать.... Однако, я началъ рассказывать одно, а заболталъ о другомъ. Варвара Гавриловна начала:

Плыветъ луна на небосклонѣ....

— C'est à vous, monsieur Заборекій: вамъ мужская риѐма. Тотъ, не запинаясь, отвѣчалъ:

Не шевельнется вѣтерокъ....

— Bravo! воскликнула Варвара Гавриловна. Теперь, monsieur Буинскій.

Меня сначала какъ варомъ обдало; но у меня девизъ: никогда ни въ чемъ не стѣсняться, и замѣчательно, что въ критическія минуты, когда, какъ говорится, хоть тресни

а полѣзай, я всегда нахожусь. Такъ и теперь. Вдругъ мнѣ
пришлось въ голову Евгеній Онѣгинъ, и я сказалъ съ ироніей:

— Пользуюсь чужимъ добромъ: пушкинской римой:

Отрадно духу *Агафона*....

Старшая дочь Варвары Гавриловны сейчасъ подхватила:

Вотъ вамъ хорошенькій стишокъ!

И всѣ засмѣялись. Вообще, вечеръ провелъ я очень недурно. Во 2-омъ часу гости разъѣхались. Я пошелъ къ Дюссо; тамъ засталъ нѣкоторыхъ моихъ товарищей и Митю Кромина. Затасилъ ихъ къ себѣ. Сначала поболтали о томъ, о семъ; спѣли прекрасную пѣсенку:

Je suis le plus gros vigneron,
De la haute et basse Bourgogne, etc.

Особенно хорошо у насъ выходило:

O glou, glou, glou, glou des flacons!
O glou, glou, glou, glou des flacons!
C'est la chanson de vigneron.
C'est la chanson de vigneron!

Прелесть, какъ хорошо, какъ оживленно выходило! Потомъ
— за карты, и просидѣли почти вплоть до утра. Я проигралъ,
бездѣлицу однако, — Митѣ Кромину: нужно и его немножко

погѣшить, а то я у него всегда выигрываю. Да оно такъ и должно быть въ природѣ. У Мити столько денегъ, что онѣ ихъ просто, зря, бросаетъ; очень естественно, что гораздо полезнѣе, когда часть этихъ денегъ, которая была-бы также брошена на вѣтеръ, переходитъ въ другія руки, которыя умѣютъ ею распорядиться и съ бѣльшимъ умомъ, и съ бѣльшею пользою для общества; потому что, вѣдь, тотъ, кто проживаетъ много денегъ, даетъ хлѣбъ людямъ бѣднѣйшимъ: ремесленникамъ, извощикамъ, вообще всякому, кто предлагаетъ намъ свои услуги.... Однако скоро явятся мои кредиторы,—чортъ съ ними! Дамъ каждому что нибудь: оставшее должно согласиться подождать. Да и согласается, потому что, все таки, и въ этомъ народѣ должна быть хоть маленькая частичка деликатности: я имъ дѣлаю одолженіе, что отдаю часть долга — а вѣдь я-бы могъ и не отдавать ее; за это и они должны сдѣлать съ своей стороны уступку, подождать до тѣхъ поръ, пока у меня будетъ больше денегъ, когда мнѣ можно будетъ совѣмъ съ ними раздѣлаться.

Экъ, я расписался сегодня! Если на то пошло, такъ разскажу ужъ кстати и сонъ, который я видѣлъ недавно. Мнѣ снилось, что Вѣрочка наконецъ моя: *quand on parle du loup, on en voit la queue*; я почти увѣренъ, что сонъ въ

руку выйдетъ, и Вѣрочка непременно будетъ моею. А она очень хорошенькая, свѣженькая такая! Прелесть! ароматная, невинная роза. Буточикъ, почти совсѣмъ распустившійся, но еще нетронутый враждебными вліяніями атмосферы. Граціозная лилія, склонившаяся головкой отъ волнующихъ ее мечтательныхъ, чудныхъ думъ. Гибкая, полная очаровательныхъ движеній серна, несущаяся отъ выстрѣла охотника, и находящая въ этомъ побѣгѣ и въ близкой, неизбѣжной опасности, какое-то упоеніе, обаяніе, агонию, замираніе сердца и тяжелое и небесно-сладостное.... Боже, какъ я расписался! И послѣ этого я не поэтъ? Я поэтъ въ душѣ, и на дѣлѣ!...

10-го февраля.

Она моя, мой ангелъ милый,
Она моя, — и до могилы!

Она моя, Вѣрочка — моя! Вотъ и пусть говорятъ люди, что не все въ волѣ человѣка: все въ его волѣ, рѣшительно все; будь только у него воля крѣпка, будь онъ только съ характеромъ, какой долженъ быть у мужчины, не будь бабой; и все къ его услугамъ; всѣ препятствія, все рушится передъ его характеромъ, передъ его умомъ!

Старики спали. Вѣрочка одѣлась и мы поѣхали. Она вся дрожала, бѣдненькая; но мои слова дышали такимъ глубокимъ чувствомъ, такую истинной любовью, что она поуспокоилась. Я предложилъ ей заѣхать ко мнѣ, посмотреть на мое житье-бытье. Она, — ни за что! Но я принялъ тонъ обиженнаго человѣка, сталъ говорить, что она заподозриваетъ меня въ неблагородныхъ намѣреніяхъ, что она такъ мало любитъ и цѣнитъ меня, что не довѣряетъ въ какойнибудь бездѣлицѣ, и наконецъ, уговорилъ ее. О, какъ она меня любитъ, — до безумія! Слѣвомъ.... дѣло покончено: она моя. Не обошлось, разумѣется, безъ слезъ, безъ моленій, безъ отчаянныхъ просьбъ; но я былъ почти глухъ ко всему: я былъ окончательно подъ вліяніемъ страсти — бурной, кипучей, пламенной, сквозь призму которой человѣкъ не видитъ ничего, не разсуждаетъ ни о чемъ, кромѣ предмета, составляющаго всю его душу, всѣ его помыслы, его адъ, его рай, его мученія, его блаженство. Да, я былъ хорошъ въ эти моменты! И она была хороша! Все въ ней соединилось: и красота, и любовь, и эта чудная женская стыдливость, и скромность, и ужасъ, и отчаяніе, и сознание безсилія.... А во мнѣ — гордое сознание своей власти, которой все покоряется, передъ которой все безмолвствуетъ!

Въ эти минуты я понялъ высокое призваніе мужчины, и убѣдился, какъ нелѣпо боготвореніе женщины. Какъ мнѣ смѣшны показались господа, воображающіе женщинъ какими-то идеалами, недоступными божествами! Глупцы! не понимаютъ, что женщина — рабыня, что властелины — мы, что она ниже насъ неизмѣримо, что нельзя признавать въ ней разумнаго начала.... Какъ все это старо и какъ еще многимъ недоступно! Вѣдь не даромъ же слово *человѣкъ* не имѣетъ женскаго рода: *человѣкъ* — мужчина; а женщина — просто женщина; нѣтъ ей другаго имени!

Ставить женщинъ наравнѣ съ нами, значитъ признавать въ нихъ умъ, волю... Спрашивается: гдѣ у нихъ эта воля и какая изъ нихъ не упадетъ передъ грознымъ обаяніемъ истинной страсти? Тамъ еще толкуютъ объ уравненіи правъ женщины.... Сумашедшіе выдумали, дураки слушаютъ. Посмотрѣли бы они на меня съ моей кроткой, безотвѣтною какъ ягненокъ, Вѣрочкой. Общественныя условія, скромность, стыдъ — все разлетѣлось отъ одного проблеска страсти, а Вѣрочка далеко не дюжинная дѣвчонка.... О, Пиронъ, безсмертный Пиронъ! Какъ глубоко-справедливо твое гениальное изрѣченіе: *Il n'y a pas de peut être!* Именно *il n'y a pas de peut être!*...

11-го февраля.

Быль у нея. Какая она грустная; плачетъ все; старикамъ говорить, что больна; со мной какъ-то дичится; глазъ на меня не смѣетъ поднять. Не понимаю, что это такое! *C'est ennuyant!*

12-го февраля.

Та же самая исторія. Вздыхаетъ, плачетъ, груститъ. Я думалъ сначала, что она дѣвушка съ характеромъ, выходитъ не то.... *Grand Dieu! Comme on se trompe quelquefois!*

13-го февраля.

Вотъ удружила, вотъ выдумала умную вещь! Хороша Вѣра Степановна, очень хороша! Не ожидалъ я отъ васъ такой выходки. Дрянъ-дѣвчонка и больше ничего! Нынче сижу себѣ дома, какъ ни въ чемъ не бывало. Приходитъ почтальонъ съ письмомъ по городской почтѣ. Смотрю—отъ Вѣрочки. Ну, думаю, объясненія и заклинанія угнетенной невинности или поросенка въ мѣшкѣ; сѣтованія падшей добродѣтели, нѣмецкой *Freulein*; читаю, — вотъ что:

«Я все сказала рара и тапан. Не стану описывать тебѣ все страданія, которыя вытерпѣла я въ эти минуты, все оскорбительные и справедливые упреки, которые выслушала; я все тебѣ скажу послѣ сама. Добрые рара и тапан! Они мнѣ все простили и согласны на нашъ бракъ.

Мы не богаты; я знаю, что и у тебя нѣтъ блестящихъ средствъ, но много-ли намъ нужно? Paul, мужъ мой! Приходи, жду тебя съ нетерпѣніемъ.

«Вся, рѣшительно вся твоя,

ВѢРА.»

Съ чѣмъ васъ и поздравляю, неоцѣненная ВѢра Степановна! Это изъ рукъ вонъ! Добрые рара и тамапа все простили и согласны на нашъ бракъ. Это мнѣ нравится! Не спросили даже, согласенъ-ли я на это! Мнѣ кажется, мое согласіе тоже играетъ тутъ маленькую роль.

Вотъ и возись съ этими дѣвчонками! Если еще не обладаешь кое-какимъ характеромъ, такъ того и гляди — женить человѣка и испортить всю его будущность. Не на того напали. *Quel bonheur, que ma bourse est garnie pour le moment!* Сегодня-же меня не будетъ здѣсь, — ищи гдѣ хочешь! Теперь еще не знаю, что буду потомъ дѣлать; теперь главное — улизнуть; а то, еще пожалуй, затѣется дѣло, избави Боже, — не развяжешься! Пожалуй, заставятъ жениться, чего добраго!

Вотъ она жизнь! Только-что немного оторвешься отъ этой пошлой ежедневности, отъ этой избитой колеи мелочности, какъ опять-таки эта вся грязь и пошлость хватаетъ тебя за обѣ руки, душитъ за горло, не даетъ вздохнуть, подавляетъ всякое проявленіе въ человѣкѣ, осмѣлившемся выразить истинное чувство, одинъ только разъ имѣть кое-какіе высшіе помыслы и, слѣдовательно, не могущаго удовлетворяться тѣмъ, чѣмъ могутъ всю жизнь прожить другіе пошлые люди, вся эта мелкота, грязь, пошлой яма грошовыхъ расчетовъ и сусальной любви. А чѣмъ виноватъ человѣкъ, дерзнувшій проявить свою натуру! Чѣмъ виноватъ онъ, что окружающее слишкомъ низко стоитъ, слишкомъ узко и отвратительно въ своихъ узкихъ и отвратительныхъ понятіяхъ! Счастіе еще, если натолкнешься на существо, способное понимать всѣ помыслы души! А какъ и этого нѣтъ? Какъ попадешь на пустую, безхарактерную дѣвчонку, вся будущность, все конечное счастіе которой улагается въ единственномъ только понятіи, — въ бракѣ, какъ въ необходимомъ и неизбѣжномъ вѣнцѣ любви, внѣ котораго нѣтъ никакого исхода чувству; какъ попадешь на такую дѣвчонку, вмѣсто воображаемаго идеала женщины, стоящей выше среды, ее окружающей, — грустно, пусто, тяжело, становится на душѣ! Безотрадно и беспомощно на сердцѣ; на немъ лежитъ не камень, а скала гранитная, которая давитъ всею своей тяжестью, всей своей громадой, и не даетъ свободно вдохнуть въ себя свѣжій воздухъ! Счастливъ человѣкъ, родившійся въ пустотѣ жизни, и привившій къ себѣ мало-по-малу требованія и понятія мелкой среды! Онъ не думаетъ о высокомъ, онъ совершенно довольствуется тѣми благами, которыя даетъ ему окружающее. О, люди, люди! О, судьба! Что я вамъ сдѣлалъ? За что вы меня гоните такъ безжалостно? Развѣ мало вамъ жертвъ безъ меня?

Однако философій не поможешь. Нужно поскорѣе убираться отсюда.... Эхъ! Кабы достать денегъ!

Алекс. Г-ц-скій.